

О КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2002 г., М.М. ИБРАГИМОВ

ЧГПИ, г. Грозный

В годы Великой Отечественной войны размах сотрудничества с противником носил широкомасштабный характер. По опубликованным в последнее время данным, с 1942-1945 гг. на стороне Германии действовало свыше 1 млн. бывших военнослужащих Красной Армии, что превышало численность партизанских отрядов, действовавших на оккупированных территориях [1]. Они не только служили в немецкой или власовской армии (таковых было меньшинство), но и в казачьих войсках, полиции, старостах, в качестве бургомистров, журналистов, хозяйственников и т.п.

Следует отметить, что мотивы и формы сотрудничества с немцами были, конечно, у каждого своими. Кто-то, попав раненным в плен, боялся репрессий на родине. Кто-то считал себя обиженным советской властью в период коллективизации, кто-то считал угнетенным свой народ.

Коллаборационизм в СССР в годы войны порождался разными обстоятельствами и имел ряд своих специфических особенностей:

- полностью отсутствовал производственный коллаборационизм, т.к. он не имел опоры в лице класса предпринимателей;
- способствовали сотрудничеству с врагом некоторые его экономические мероприятия на оккупированных территориях (в частности, раздача земель и скота «лояльным» к новому режиму лицам);
- наоборот, исключали сотрудничество с немцами откровенно расистское их отношение к народам оккупированных территорий, признавшихся «расово неполноценными».
- социальная база коллаборационизма была наиболее велика в первые месяцы войны, когда с одной стороны, успехи немецкой армии были очевидны, а перспективы войны казались ясными; а с другой стороны – население оккупированных территорий еще не вкусило «нового порядка» на себе; в последующие периоды войны социальная база коллаборационизма заметно сузилась;
- в ряде национальных территорий (в первую очередь, недавно присоединенных: Латвии, Эстонии, Литве, Западной Белоруссии и Западной Украине, а позднее и в некото-

- рых регионах Кавказа) игнорирование советской властью в предвоенные годы специфики национальной культуры и обычаев вело к более тесному сотрудничеству с теми, кто обещал возродить это с установлением «нового порядка»;
- в отличие от оккупированных стран Европы, коллаборационизм в СССР носил почти исключительно военный характер, но не имел экономического и политического аспекта и т.д. [2].

В целях привлечения к борьбе против СССР военнопленных нерусских национальностей немецкое командование активно использовало так называемые «восточные легионы», численностью, как правило, не более 2 тысяч человек каждый. Позже, в период оккупации части Северного Кавказа, применяли насилистственные меры к вербовке в аналогичные легионы, другие «национальные воинские части» и казачьи подразделения оставшегося местного населения. Причем, в Ростовской области для записи в такие части оккупационное командование проводило, по существу, мобилизацию, вызывая людей повестками в места сбора под угрозой расстрела их и членов их семей.

С целью убеждения в необходимости участия в войне на стороне немецких войск из Германии в октябре 1942 г. были направлены на Кавказ известные здесь по гражданской войне белые генералы Краснов и Шкуро, обратившиеся к казакам с призывами сотрудничать с немецкими войсками. Кроме них пропаганду в северо-кавказском регионе вели белоэмигрант Венеровский, бывший генерал Щепетильников, есаул Вольтер, офицер СС Алидзаев и др. В Адыгею вернулся бежавший в 1920 г. лидер адыгских «бывших» Султан-Гирей [3]. Из белогвардейских эмигрантов-контрреволюционеров различных кавказских народностей были созданы специальные группы, организован штаб «К» («Кавказ»), которые развернули активную вербовочную деятельность на оккупированных территориях.

Осенью 1942 г. кавказское соединение было включено в состав дивизии особого назначения «Брандербург». Оно было предназначено для осуществления диверсий и «организации путчей на Кавказе».

Однако немецкому военному командованию так и не удалось создать национальные отряды коллаборационистов среди населения оккупированных районов Северного Кавказа из-за нежелания людей идти в «добровольческий черкесский батальон» Султан-Гирея и другие аналогичные формирования.

А после начала и развития советского контрнаступления под Сталинградом, боевой дух и желание сотрудничать с врагом пропали вовсе. Начался массовый переход воинов из групп врага на сторону Красной Армии. В общей сложности перешло более 10 тысяч человек [4].

К началу Великой Отечественной войны, несмотря на этническую мозаичность (около 130 различных народов), в СССР в силу сложившихся обстоятельств: исторических, геополитических, идеологических, социально-экономических сформировалась уникальная по сути и универсальная по характеру бытования трансэтническая ментальность, которая позволяла каждому этносоциуму чувствовать себя самостийной этнической единицей и одновременно осознавать себя органически составной частью общего этноментального пространства.

Символом этноментального единства для всех этноструктур в этот период являлся мотивационный образ Советского Отечества, ощущение включенности в которое обеспечивалось общностью политической системы, воспринимавшейся всеми народами как самая гуманская, единственно справедливая, несомненно перспективная и непременно способная обеспечить Свободу, Равенство и Братство.

На фоне трансэтноментального единства каждый этносоциум в годы войны реализовал себя соответственно собственной эзоментальности.

Народы Северного Кавказа, как и все народы России, в годы Великой Отечественной войны создали свой особый этноавтопортрет защитника макро-Отечества и микро-Родины, состоявший из стандартных параметров, нестандартность, оригинальность которых заключалась в их сущностной наполненности: статистика добровольно или по долгу взявшим оружие в руки; статистика увенчавших себя славой героя; статистика павших; трудовой и ратный подвиг женщин и детей; особенности вхождения в контакт с оккупантами (наиболее этнообусловленный параметр) и др.

После освобождения Северного Кавказа по приказу Сталина началась депортация не только лиц, сотрудничавших с немцами в период оккупации, но и целых народов.

Наряду с этим, по всему Северному Кавказу началась волна «партийных чисток». Наиболее массовый характер она носила, конечно, в Чечено-Ингушетии и Кабардинской АССР. В Кабарде в период оккупации на захваченной врагом территории оставалось 72% состава партийной организации (2723 чел.). Из них 75% после освобождения республики от немцев были исключены из партии (1299 чел.). В том числе с формулировками: «за работу у немцев» – 308 чел., «за бандитизм» – 95 чел., за дезертирство из РККА – 30, за отступление с немцами – 74, за сдачу оружия немцам – 6, за «связь с немцами» – 50, за предательство» – 36, за «измену Родине» – 6, «за добровольную вербовку в Германию» – 6, «за недостойное поведение в период оккупации» – 62 чел. [5].

Как справедливо отмечает в своей монографии Е.М. Малышева, «при условии выделения отдельно бандитизма, связи с полицией и предательства, «работа у немцев» под угрозой расстрела, по-видимому, далеко не всегда предполагала измену Родине или отказ от идеоло-

гии марксизма-ленинизма, отречения от партии. Необходимо учитывать условия, когда при отступлении наших войск и довольно быстрым продвижением армии вторжения, как это было на Северном Кавказе, значительная часть сельского населения, колхозного крестьянства не смогла эвакуироваться» [6].

Одновременно наказаниям и партийным взысканиям подвергались и те, кто не проявлял должной политической бдительности уже в послеоккупационный период. Так, в июне 1943 г. был пойман засланный из Германии агент Неспер. Он показал на допросе: «В наши задания входила подготовка вооруженного восстания против советской власти. Кроме этого, на нас была возложена работа разведывательного и диверсионного характера. Сюда входило: разведать состояние тыла, настроение населения, расположения частей Красной Армии, их численность, состав и вооружение. Мы должны были взрывать мосты, жечь хлеб, травить скот и стрелять коммунистов» [7]. В инструкции диверсантам отмечалось: «Для полной дезорганизации сельских полевых работ и подрыва экономической мощи колхозов, Вам необходимо организовать не только вывод из строя тракторов, культиваторов, жаток, сжигание хлебов, но и активно убирать коммунистов и работников НКВД. Не вредно будет, если Вы уничтожите несколько колхозников и иногда, ради развлечения, будете стрелять в воздух. Этим Вы добьетесь, что колхозники откажутся выходить на работу в поле. Коммунисты будут им приказывать, но ведь вы понимаете, что каждый дорожит своей жизнью, таким образом, Вы создадите ненормальные взаимоотношения между коммунистами и колхозниками, а, значит, дезорганизуете работу колхозов...» [8].

В ряде случаев, после освобождения от оккупации, в некоторых местах на руководящие посты назначались люди без тщательной проверки или должной подготовки. Это вело к частой смене кадров этого звена, а иногда и к их арестам.

Как же относились простые люди к коллаборационистам и всем тем, кто пострадал под этим клеймом?

Исследование показывает, что отношение к ним было различным. Оно формировалось в зависимости от того, в чем именно обвинялся тот или иной человек. Никогда не прощали убийства мирных жителей, бесчинств в период оккупации. Могли более или менее войти в положение тех, кого идти на работу к фашистам вынуждала безвыходная ситуация и необходимость кормить детей.

Как правило, не имели надежды «быть понятыми» ТЕ, КТО ИЗМЕНИЛ Родине, служил в армии Власова или национальных легионах. Сегодня порой пишут о том, что Власов и его солдаты были «борцами со сталинским тоталитаризмом» и поэтому стоит войти в их поло-

жение и простить. Однако эта проблема не настолько проста. Даже такие ее знатоки как А.И. Солженицын и А.М. Некрич так и не смогли дать однозначной оценки Власову.

Что касается оценки роли Власова и власовцев в истории Великой Отечественной войны, то в общественном сознании этот вопрос, судя по всему, решался однозначно – Власова и других коллаборационистов люди рассматривали исключительно как предателей Родины и лишь могли к каждому из них в большей или меньшей степени испытывать внутреннее сожаление и сочувствие.

Несмотря на то зло и те несчастья, которые принес сталинский террор 30-х гг., большая часть народа в период борьбы против немецкой агрессии и оккупации перед лицом опасного врага была настроена решительно против захватчиков и сплочена, как никогда раньше. Советские люди были убеждены, что именно в эти дни, в тяжелых боях с фашизмом решалась сама их судьба: стоял вопрос о том, будет ли советский народ существовать или подвергнется порабощению и истреблению. Естественно, что любой, кто ослаблял это необходимое для победы единство, встречал отпор и осуждение, тем более, если это касалось вооруженной борьбы против Красной Армии. Ни в те времена, ни позже, ни при каких условиях не мог вызывать сочувствие и симпатии тот, кто помогал противнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. – М.: 1996, Т.2, с.454
2. Подр. см.: Семиряга М.И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов/Другая война..., с.313-339
3. РЦХИДНИ, ф.17, оп.43, д.1739, л.72
4. Там же
5. РЦХИДНИ, ф.17, оп.88, д.614, лл..5, 13ъ
6. Малышева Е.М. Указ.соч., с.251
7. РЦХИДНИ, ф.17, оп.88, д.1290, л.54
8. Там же, л.56